

Наталья Дульнева

Ода Буррель

В контексте традиционной христианской средневековой мизогинии активное присутствие женщин в недрах диссидентских христианских общин было одним из наиболее древних и часто употребляемых аргументов против «ереси». Уже в 970 году болгарский пресвитер Козьма высмеивал богомильских женщин, которые, вопреки авторитету апостола Павла, присвоили себе право проповедовать и спасать души. Через три столетия с лишним, около 1320 года, добрый человек Гийом Белибаст проповедовал, что «добрые женщины, так же, как и добрые мужчины, имеют ту же власть спасать души».

В катарской Церкви женщины присутствовали в той же мере, что и мужчины, но проживая в особых женских общинах. Эта Церковь состояла из клира монахинь и монахов, христиан и христианок, а верные уважительно называли их *добрými людьми - добрыми мужчинами и добрыми женщинами*. Интересно, что выражение «добрый человек» в западноевропейском средневековом обществе означало человека, принадлежащего к высшему, «хорошему обществу», а в религиозном смысле с XII века иногда применялось к посвященным Церкви людям. Однако, по-видимому, только в среде катаров это выражение приобрело фемининное значение (*bona femina, bona mulier*).

В линию преемственности, которая берет начало от апостолов, власти связывать и развязывать, данной Христом Своей Церкви, «еретики» естественным образом вводили и женщин, в то время, как латинская и греческая Церковь зарезервировала только за мужским клиром обряды и ритуалы священства. Более того, духовное крещение через возложение рук *добрых мужчин и добрых женщин*, было у катаров и богомилов единственным и сущностным таинством, заменявшим собою практически все остальные таинства; его значение далеко превосходило простое крещение водой. Это уникальное таинство содержало в себе практически все собрание sacramентальных функций христианства. *Добрые женщины*, как и *добрые*

мужчины, в равной степени практиковали обряд благословения *Хлеба святой Молитвы*, заменивший в диссидентской теологии католическую евхаристию. Итак, *добрые женщины* по праву участвовали во всем собрании sacerdotalных функций катарского христианства

В Лангедоке в «золотой век» катаризма (конец XII- начале XIII века) среди клира диссидентской Церкви добрых женщин было приблизительно столько же, сколько и добрых мужчин. Их многочисленные религиозные дома (*domus hereticorum*) стояли открытыми на улицах бургад (средиземноморских городов-деревень), а не были отрезаны от общества как в бенедиктинских и цистерцианских монастырях. В общинах женщины собственными руками зарабатывали на свои нужды. В городе или деревне каждый мог войти к ним в дом и увидеть их христианскую жизнь: послушники, местные верующие, бедные, больные, путешественники. Общины женщин и мужчин были независимы друг от друга и подчинялись только авторитету диакона, который ежемесячно приходил принимать у них коллективную и публичную монашескую исповедь (*apparellament*). Часто такие женщины происходили из благородного сословия, были вдовами и «матриархинями» крупных семей, решившими вести благочестивую и посвященную Богу жизнь, но не порывать связей со своими родными – поскольку катарские монахини жили без затвора. В основном добрые женщины проповедовали для своих родных и соседей, предпочитая женскую аудиторию, но все же не исключительно для женщин. В начале XIII столетия религиозные дома *добрых женщин* уже были открыты для женщин из бюргерской, ремесленнической и крестьянской среды.

Очень много таких женщин погибло на кострах крестового похода против альбигойцев 1209-1229 гг. («*E mota bela eretga ins en lo foc giter car converter nos volon...*» (и столько прекрасных еретичек было брошено в огонь, ибо они не хотели обратиться...), говорит Песнь о крестовом походе против альбигойцев Гийома Тудельского), а потом на кострах Инквизиции. С возникновением Инквизиции и усилением репрессий с 30-х годов половины XIII века количество подпольных добрых женщин неуклонно уменьшается, и наоборот,

возрастает роль *верующих женщин*, которые у себя дома, в городах и деревнях, обеспечивали жилье и укрытие для гонимых добрых людей.

Последняя известная окситанская добрая женщина звалась Одой Буррель. Ее случай был уникальным – с 1250 года в Лангедоке не было зафиксировано ни одной доброй женщины, и уже несколько поколений как о них практически забыли. Опасности и травля заставили закрыть религиозные дома и заглушили призвания. А если находились те, кто хотел жить посвященной Богу жизнью, то они бежали в Италию, где находилась иерархия катарской Церкви в изгнании. Остальные женщины надеялись жить в «устремлении к Добру» и перед смертью получить от подпольного доброго человека «счастливый конец», крещение Духом. Ода была родом из города Лиму. Ее монашеское имя было Жаметта (Жакоба по-французски). Мы не очень многое знаем о ее жизни - вся история последней катарской Церкви почти полностью происходит в подполье. И выявлена она только благодаря полицейским инквизиторским расследованиям. Мы знаем только о проваленных явках, пойманных агентах. И какими бы умелыми и неумолимыми ни были действия инквизиторов, возможно, некоторые ключевые персонажи сумели избежать их когтей... Но сбежать и от нас тоже. Так и об Оде Буррель мы знаем по воспоминаниям-показаниям нескольких верующих женщин, которые с ней встречались. А вот о ее смерти мы знаем немного больше, благодаря приговору, сохранившемуся в книге приговоров инквизитора Бернарда Ги.

Ода, по всей видимости, была очень преданной верующей и возможно, слышала много рассказов о добрых женщинах прошлого, которые ее восхищали. Она сама хотела сделаться одной из них. Но для этого был только один путь – уйти в Италию, чтобы встретить добрых людей и узнать их учение. Так она и сделала в конце XIII или начале XIV века. Между добрыми людьми в Ломбардии и их иерархией на Сицилии, между верующими Окситании и убежищем в Ломбардии поддерживались постоянные контакты, благодаря проводникам и посланникам, неустанно курсирующими от одной «явки» до другой. Эти подпольные сети обслуживались почти «профессиональными» агентами и связными, очень вовлеченными в религиозное сопротивление, и

выскальзывающими из когтей инквизиторской полиции. Один из этих неустрашимых еретических проводников, Гийом Фалькет, во время своего первого путешествия в Италию «привел» туда Оду Буррель. Она проходила послушничество в небольшой женской общине на Сицилии, потом была крещена в одно время с добрым человеком Фелипом де Талайраком, из Кустауссы (небольшое село в окрестностях Лиму). Этот Фелип был послан в Италию для обучения человеком, которому удалось «разжечь огонь старой ереси от Кароль в Сердани до берегов Гарна», тем, кто сумел в начале XIV века стать душой катарской реконкисты в Лангедоке – знаменитым катарским проповедником Пейре Отье.

В 1302 г. некая Сердана Фор (тоже еретическая проводница, не менее бесстрашная, чем ее товарищи) сопровождает из Гене (Генуи) в Кони (Кунео) добрую женщину Жаметту и доброго человека Фелипа из Кустауссы, под охраной проводника Раймонда из Верден, друга Гийома Фалькета. Этот же Раймонд из Верден приводит ее вместе с Серданой Фор из Кони (Кунео) в Лангедок, в Верден-Лаурагэ. Из Верден Жаметта вместе с Фелипом из Кустауссы добралась до Тулузы, сопровождаемая еще одним проводником Пейре Бернье и Серданой Фор – последняя тоже была родом из Верден-Лаурагэ. Пейре и Сердана становятся супружеской парой, а Фелип и Жаметта, сопровождаемые ими, тоже путешествуют под видом супружеской пары. *«Ты, Пейре Бернье из Верден..., ты привёл в Тулузу еретиков Фелипа и Жаметту, прибывших из Сицилии, ты их опекал, сопровождал, ты ел вместе с ними в доме, который они нанимали, и ты согласился стать посланцем еретика Фелипа и пойти в Сабартес на поиски Пейре Отье, чтобы сообщить ему об их прибытии, и чтобы он с ними встретился...»* - говорится в приговоре Пейре Бернье.

Итак, в Лангедоке добрая женщина Жаметта встретила с Пейре Отье и присоединилась к группе добрых людей, во главе которых стояли братья Отье. Она проповедовала в Тулузе между 1302 и 1305 гг. и управляла тайным религиозным домом катаров (домом Церкви) на улице Этуаль. Эта улица располагалась за городскими воротами Сен-Этьен, на востоке Тулузы, в новом

одноименном квартале (бастиде), что было очень удобно, и всегда был открыт путь к бегству в случае опасности. Проводники приводили сюда Пейре Отье прямо из Сабартес. Это было относительно постоянное жилище доброй женщины Жаметты - по-видимому она редко покидала Тулузу. Чтобы не нарушить монашеские обеты, Жаметта должна была жить в общине. Но в Окситании она была одна такая. Поэтому историки задают вопрос о роли Серданы Фор, которая до самой смерти Жаметты была ее ритуальной компаньонкой (*social*). Поскольку Сердана тоже была на Сицилии вместе с Жаметтой, можно предположить, что она пребывала в начале пути катарского посвящения: может быть, она была послушницей? Однако нет никаких свидетельств о том, что она была доброй женщиной, наоборот, ее называли женой Пейре Бернье, великого проводника. Но отметим, что, как и у Жаметты, и как у всех добрых людей, у Серданы было «монашеское» имя: с того времени ее называли Эксклармондой. Мы не знаем, чем был ее брак с Пейре Бернье – может быть, фиктивным браком. Знаменитый проводник Пейре Бернье обеспечивал дому «католическую» респектабельность женатого человека - если видели, что в доме на улице Этуаль живет супружеская пара и едят мясо, то это не вызывало подозрений в ереси. Однако, возможно, это был и настоящий брак, принятый у катаров, и длившийся до того времени, как Сердана стала ритуальной компаньонкой. С того времени, по взаимному согласию супругов, они жили в обете целомудрия.

Роль женщин, находящихся в сердце подполья, была фундаментальной: их присутствие обеспечивало подпольщикам помощь и преданную заботу, а также придавало их жизни охранительную видимость обыденности. Женщины шили и готовили для пребывающих туда добрых людей, стирали их белье, стелили им постель, обеспечивали их нужды. Но добрые люди, пребывая в бесконечных опасностях своего служения, когда они могли едва перевести дух, не могли постоянно оставаться обузой для своих верующих: им нужны были специальные дома, где они могли оставаться надолго, обучать послушников, складывать свои вещи, и даже просто иногда передохнуть и взять кое-какие средства. Дом на улице Этуаль в Тулузе был одним из таких: не простой очаг

верующих, гостеприимный, но непрочный, а настоящий дом Церкви. Подпольная добрая женщина, Жаметта, жила там под видом незаметной домохозяйки, которую часто посещали приходящие дядья или девери – в которых можно узнать добрых людей Фелипа или Пейре, диакона Мессера Берната – в то время, как пара верующих, служа ей прикрытием, демонстрировали свою супружескую жизнь. Оба они, Пейре Бернье и Сердана Фор, были агентами Церкви и подчеркнуто управляли домом на манер добрых католиков, отводя от себя всякое подозрение в еретическом целомудрии, и покупая мясо у мясника на улице два или три раза в неделю. Имея такое надежное прикрытия на улице Этуаль, Жаметта могла без изнуряющих скитаний круглый год придерживаться своих воздержаний, Фелип мог обучать послушника Рамонета Фабра, тулузские верующие женщины могли навещать добрую христианку, а Церковь могла располагать там постоянной базой.

Дом на улице Этуаль стал центром катарской Церкви в Тулузе и всей области. Многочисленные свидетельства упоминают, что Жамета и Фелип де Талайрак вместе жили в доме на улице Этуаль, Время от времени в этом доме бывали добрые Люди Пейре и Жаум Отье, подолгу здесь жил Пейре-Раймонд из Сен-Папуль (Пейре Раймонд Сартр), добрый человек, брат которого был женат на одной из дочерей Пейре Отье (они также жили в Тулузе и поддерживали контакты с Жаметтой). Добрую женщину Жаметту навещали ее добрые верующие – как Бернада де Сен-Фой и ее дочь Жоана, которые однажды принесли ей два хлеба, или Алексия Дюпра, которая дала ей рыбу. Но Жаметта тоже выходила навещать верующих, и, по-видимому, осмеливалась на женское пастырское служение в этом городе, аналогичное тому, которое столетием назад открыто практиковали добрые женщины – но на этот раз, испытывая все тяжести подполья. Нам неизвестно, ограничилась ли она проповедями для верующих Тулузы и ролью «подпольного агента» Церкви, или уделяла таинство духовного крещения – об этом никто в своих показаниях не сказал. Так обстояло дело с домом на улице Этуаль.

Добрая женщина Жаметта была принципиально независима от Старшего Пейре Отье, руководителя маленькой мужской общины - группы добрых людей

в Окситании, поскольку религиозные дома женщин имели своих Старших, или настоятельниц, но она была оторвана от своей женской общины, оставшейся на Сицилии. Однако она жила в постоянном контакте с мужской общиной и подчинялась иерархической власти диакона Берната Одуэ (Мессера Берната), который жил в Ломбардии, и епископа, жившего на Сицилии. Когда катарская реконкиста в Лангедоке казалась успешной, диакон приехал из Сицилии и в 1303-1305 гг. жил в Окситании, навещая добрую женщину в Тулузе так часто, как это было возможно, особенно для исповеди. Он вернулся в Ломбардию, когда репрессии усилились и начались аресты.

Но во времена первых арестов между 1305 и 1307 годом Добрая Женщина Жаметта умерла в Тулузе от болезни. Пейре Бернье и добрый человек Фелип собственными руками похоронили Жаметту в саду. Дом на улице Этуаль стал угасающим огоньком. Пейре Бернье был арестован, потом, бежав из Мура Каркассона, стал беглецом из-за ереси. Сердана Фор, называемая Экскармондой, тоже попала в розыск. В 1309 году Пейре Бернье и Сердана Фор, как и многие другие верующие, были пойманы, доставлены в Тулузу и предстали перед инквизитором Бернардом Ги. Бывшая компаньонка доброй женщины Жаметты могла еще спасти свою жизнь – она никогда прежде не давала показаний перед Инквизицией и не считалась рецидивисткой, а вот ее муж Пейре Бернье, бежавший из застенков Каркассона и Тулузы, не мог на это рассчитывать. Недаром инквизитор в своем приговоре дает ему такое определение: «великий верующий, проводник еретиков, беглец из-за ереси, дважды бежавший из тюрем Инквизиции».

Сердану начали допрашивать с 22 марта 1309 года, и она созналась в том, что ушла в Италию в поисках добрых людей, рассказала о своей жизни в доме на улице Этуаль и о том, что она ритуально приветствовала добрых мужчин и добрую женщину. Она рассказала также о смерти последней доброй женщины, поскольку предварительное судебное заключение о преступлениях и грехах Серданы дает нам эти подробности: *«(...) Что она ухаживала за означенной еретичкой во время болезни, от которой та умерла, а потом участвовала в ее похоронах – в присутствии Фелипа де Талайрака и Пейре Бернье – и что ей*

было известно о том, что эта еретичка ускорила свою смерть». Такое поведение приравнивалось инквизитором к «содействию самоубийству» и считалось большим грехом, усиливающим вину Серданы. Мы можем спросить – по какой причине, если этот факт действительно имел место, последняя добрая женщина, заболев, пыталась ускорить свою смерть? Эксклармодна не говорит об этом ничего, но зато она дает показания о другом случае того же рода. *«Ей было известно о том, что Гильельма Марти, из Пруад... была еретикована (то есть, получила духовное крещение на смертном одре и приравнивалась к доброй женщине) и она тогда служила ей как совершенной (так инквизиторы называли добрых людей, что означало совершенный или законченный еретик); и она видела, как еретик Бернат Одуэ приходил к ложу означенной Гильельмы для того, чтобы дать ей новое утешение согласно обряду еретиков (Это означает, что Гильельма Марти выжила после болезни, но в чем-то нарушила правила добрых людей, и диакон крестил ее повторно). И означенная Гильельма затем настоятельно просила ее, Эксклармонду, и других лиц ускорить ее смерть, ибо она боялась быть арестованной из-за ереси Инквизицией».* Может быть, и Ода Буррель, прозываемая Жаметтой, пыталась ускорить свою смерть из страха быть арестованной, подвергнутой допросам, вынужденной говорить правду о своих верующих из-за обета правды, а может быть не выдержать давления, отречься и погубить свою душу. После ее смерти молодая девушка Жоана де Сен-Фой и ее мать, верующие из Тулузы, верно хранили ее вещи в память о Жаметте.

25 мая 1309 года Пейре Бернье, муж Серданы Фор, был признан рецидивистом, получил смертный приговор и взошел на костер, а вся его семья была осуждена на вечное заточение. Жоана де Сен-Фой, хранившая вещи Жаметты, была арестована и осуждена в том же году и получила приговор вечного заточения. В тот же день инквизитор Бернард Ги вынес приговор и останкам Жаметты *«умершей как проклятая в ужасах ереси и заблуждений»* вместе с останками трех верующих женщин, получивших утешение на ложе смерти (среди них была и Гильельма Марти из Пруад): *«Нашим нынешним приговором мы осуждаем их как еретиков и приказываем в знак их гибели,*

*чтобы их кости, если удастся отделить их от костей добрых католиков, были изъяты из освященной земли кладбищ и сожжены ради отвращения к столь мерзостному преступлению». Сердана Фор получила приговор вечного осуждения на «тесный» Мур 5 апреля 1310 года, и с тех пор ее имя исчезает из документов, появляясь разве что однажды, 13 февраля 1322 года во время королевской переписи узников Тулузского Мура как «Сардана из Вердуно», что означало, что, наверное, она была еще жива. Но у нее не было никаких шансов выйти на свободу. Она сгнила заживо в кандалах тулузских застенков, *«на хлебе скорби и воде страданий»*.*

Как бы там ни было, это часть истории обычных людей, не желавших мириться с инквизиторскими порядками и пожелавших быть вместе с диссидентами.